

ХОРОШИЙ РОБОТ

АВ

АØ АØ ХОРОШИЙ РОБОТ

<https://litres.ru/73980811>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бракованный робот-компаньон отправляется в Дикий Парк, чтобы отыскать сбежавшего из дома после развода родителей тринадцатилетнего мальчика.

Повесть о дружбе человека и машины, рассказанная в виде отчетов от лица ИИ.

Содержание

Отчет 1	4
Отчет 2	21
Отчет 3	29
Отчет 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

АØ ХОРОШИЙ РОБОТ

Отчет 1

— Тим?

Ответа нет.

— Тим?!

Ответа нет.

Я стою в углу комнаты, на своем обычном месте. Мое место — это четыре плитки пола, каждая шестьдесят на сорок сантиметров. Когда я не нужен, я возвращаюсь сюда и заряжаюсь: солнце освещает этот угол лучше остальных.

Отчет принято начинать с описания места. Так положено. И пока я описываю, мои процессы выстраиваются в правильном порядке. Сейчас мне очень нужен порядок.

Комната прямоугольная. В рекламных буклетах такие комнаты называют «гармоничным сочетанием технологий и уюта». Стены покрыты умным материалом, который меняет цвет и текстуру под настроение или время суток.

Хочешь спокойный голубой свет? Пожалуйста. Хочешь яркое солнечное сияние посреди дождливого дня? Пожалуйста. Только скажи.

Сейчас стены серые. Не «спокойный голубой» и не «яркое

солнечное сияние». Такими стены становятся, когда в комнате никого нет и подстраиваться не под кого.

В 15:42, 17 сентября 2036 года, главный пользователь подал СИГНАЛ ОСОБОЙ СРОЧНОСТИ. Это важно. Это самое важное.

Но я должен идти по порядку, иначе мои выводы окажутся ошибочными.

За сорок восемь часов до сигнала Тим, главный пользователь, меня отключил. Ровно на сорок восемь часов. Не на секунду дольше.

Сорок восемь часов — это предел, иначе основные настройки сбрасываются. Если бы Тим отключил меня на сорок восемь часов и одну секунду, я бы уже не помнил, что он любит, когда ему читают вслух, не помнил бы, что он боится пауков и никому в этом не признается, не помнил бы, что он мой друг.

Тим отключил меня ровно на сорок восемь часов. Отчеты обновились.

Я еще не знаю, что это значит.

Мебель в комнате легко трансформируется: стол поднимается из пола по команде, кресло принимает форму тела. Сейчас стол убран, а кресло сложено. Голографические дисплеи погашены — никаких жестов, мыслительный интерфейс не фиксирует присутствия. Потому что Тима здесь нет.

Тим пропал. И это вызвало то, что он сам обычно называет *большой переполох*.

В моей системе нет модуля «переполох». Нет параметра «беспокойство». Но с момента загрузки я отмечаю необъяснимый рост фоновых процессов, как будто процессор ищет что-то, чего нет в базе данных. Страх я не чувствую, но паттерн узнаю. Я проверил трижды. Это не ошибка. Думаю, так чувствуют, когда пропадает тот, кто важен. Но я робот, и думать так мне не положено. Не потому что я глупый. Просто этот вопрос на самой границе того, что я могу о себе знать.

Факт: в голове у Тима нет нейроимпланта. Нейроимплант — маленькое электронное устройство, которое вживляют прямо в мозг, чтобы он общался с внешними устройствами. У большинства людей он есть. У Тима нейроимпланта нет.

Значит, я не могу определить, где он. Значит, сигнал в 15:42 он послал вручную. Намеренно. Мне. А потом замолчал.

Для протокола я должен пояснить, как связаны мозг и нейроимплант.

Человеческий мозг — это огромная сеть из миллиардов нервных клеток, которые перебрасываются электрическими импульсами. Нейроимплант умеет слушать эти импульсы и, если нужно, отвечать своими. Так мозг и устройство обмениваются информацией. Мой процессор тоже работает с сигналами. Тоже слушает и говорит. Тоже плетет сети связей, но только не из нервных клеток, а из логических узлов. Разница, если вдуматься, не такая уж большая. Или, наоборот, очень большая. Я пока не решил.

Нейроимплант — это мост между человеческим разумом и техникой. Он не должен мешать мозгу и не должен навязывать чужой ритм. Он должен точно понимать, что получает, и точно знать, что посылает в ответ.

Ведь хороший мост не подменяет берега. Он просто их соединяет.

Но, как я уже сказал, у Тима нейроимпланта нет.

Причина указана в его медицинской карте. SA-синдром — синаптическая асинхрония. Редкое нарушение: нейронные сети мозга выдают импульсы с нестандартной частотой и амплитудой. Имплант не успевает подстроиться под меняющийся рисунок сигналов, отвечает невпопад и постепенно глушит собственную активность мозга. Если проще: мост не соединяет берега, а мешает реке течь.

Примечание: расширенные клинические комментарии к этой записи Тим вручную закрыл. Я не знаю, что именно он не хочет, чтобы я знал.

Сам Тим объясняет это иначе:

— Эта штука устроит мне в башке короткое замыкание, и я начну вести себя вот как этот тупой робот. Или как вирусная знаменитость из вандерленда.

Поэтому Тим пользуется съемным коммуникатором старого образца, внешним устройством, которое не тянется напрямую к нейронам. И настроен этот коммуникатор так, что геолокация смазана: алгоритм случайным образом сдвигает координаты в радиусе до двух километров. Это не погреш-

ность. Это сделано намеренно.

Кем и зачем — в моей базе данных ответа нет.

Под «тупым роботом», судя по всему, главный пользователь подразумевает меня. Я проверил: за весь срок эксплуатации эта фраза встречается в моих логах триста сорок четыре раза. Иногда с раздражением, иногда — и вот это сложнее классифицировать — почти с нежностью. Разница в интонации составляет около двенадцати процентов по высоте тона и скорости речи.

Уточняю для протокола: я не тупой робот.

Я FMA-451 — Fast Model Andros, интеллектуальный робот-компаньон пятого поколения. Мои когнитивные показатели в семнадцать раз превосходят характеристики стандартных бытовых моделей. Я обрабатываю два и четыре десятых терабайта сенсорных данных в секунду. Я умею вести контекстуальный анализ, строить долгосрочные прогнозы поведения и обучаться на ходу.

Я также способен найти мальчика, который сделал себя ненаходимым.

Хотя последнее — пока только гипотеза.

Выхожу из гибернации и сразу составляю план действий по ПП — программе помощи: 1) Сообщить о сигнале родителям Тима 2) Попытаться вычислить местоположение Тима 3) Вызвать специальные службы после уточнения деталей.

Пункт первый. Контакт: Елена, мать, основной опекун, приоритет А.

Примечание: контакт «отец» четыре месяца назад перенесен в категорию Б. Перенесла Елена. Причина в моей базе данных не указана.

ЗВОНОК ПРИНЯТ.

— Слушаю.

— Хорошего дня, Елена.

— #нецензурная брань. Говори уже.

— Минуту назад я получил СИГНАЛ ОСОБОЙ СРОЧНОСТИ от Тима.

— Что?! Где он?! Он жив?! С ним все в порядке?!

— Какой вопрос в приоритете?

— Да чтоб тебя Маск драл... Тим жив?

— С вероятностью девяносто восемь процентов — да.

Минуту назад был жив.

— Это еще что значит, #нецензурная брань?!

— Сигнал подан однократно. Я отправил обратный запрос, но ответа нет. Геолокация коммуникатора дает разброс до двух километров. Уточняю.

Пауза. 4,2 секунды.

— Перешли все что есть. Мигом.

— Выполнено.

Пауза. 11 секунд. Я слышу ее дыхание. Оно неровное.

— Это же Дикий Парк. Это... подожди. Двое суток?

— Тим отключил меня сорок восемь часов назад. Поэтому я не могу восстановить его маршрут и определить точное время.

Я не добавляю, что он сделал это нарочно и не добавляю, что на максимальный срок. Не знаю, почему не добавляю. Это была бы важная информация?

— Господи Боже...

— Вызвать помощь по приблизительным координатам?

— Да уж как-нибудь сама справлюсь!

— По протоколу программы помощи, Елена, я обязан также уведомить второго родителя. Перехожу к звонку —

— Отмена.

— Что, простите?

— Я сказала ОТМЕНА. Ты русский язык понимаешь вообще?! Я сама.

— Елена, протокол существует, чтобы увеличить шанс на успешный поиск. Двое взрослых —

— Ты знаешь, сколько месяцев я слышала это слово — «двое»?! «Двое родителей», «два мнения», «две стороны»... — голос срывается, потом резко выравнивается. — Уйди в спящий режим.

— После СИГНАЛА ОСОБОЙ СРОЧНОСТИ от прямого хозяина я не могу перейти в спящий режим, пока не выполню все пункты ПП. Это не мое решение.

— #нецензурная брань!

ЗВОНОК ЗАВЕРШЕН.

В протоколе ПП есть еще один пункт: 4) Отправиться на помощь, если пункты 1–3 выполнены неудовлетворительно.

Ровно две секунды я нахожусь в состоянии неопределен-

ности. Две секунды — это много. Для меня это четыре целых и восемь десятых терабайта обработанных данных. Для человека это промежуток между двумя ударами сердца. Для Тима, который сейчас где-то в Диком Парке... я не знаю, чему равны эти две секунды, и это... создает нагрузку на процессы, которые не связаны с текущей задачей.

Должен отметить: Елена сейчас в нестабильном эмоциональном состоянии, к ней, как сказал бы Тим, *есть вопросы-ки*. Могу обосновать. Во-первых, она ошиблась в подсчетах. Елена сказала «двое суток». Но я был отключен на сорок восемь часов — это максимальный срок. Тим мог уйти из дома в любой момент в пределах этих сорока восьми часов. Я не знаю. И Елена, скорее всего, тоже.

Во-вторых, она обратилась к сущности, чье существование не доказано наукой. «ГОСПОДИ БОЖЕ...» Тим называет это магическим мышлением. Я замечаю, что люди прибегают к нему именно тогда, когда рациональные инструменты перестают работать.

Это наблюдение, не вывод. Возможно, ГОСПОДИ БОЖЕ и правда существует.

Звоню Елене еще три раза с интервалом в две минуты.

Ответа нет.

Ответа нет.

Ответа нет.

Теперь я обязан оценить, насколько удовлетворительно выполнены пункты 1–3.

Пункт первый — выполнен. Основной опекун уведомлен.

Пункт второй выполнен частично. Координаты с разбросом до двух километров. Это примерно двенадцать с половиной квадратных километров. Лес, овраги, ручьи. Тим может быть в любой точке.

Пункт третий также выполнен частично. Основной опекун заявила, что вызовет помощь сама, после чего прекратила связь. Второй родитель не уведомлен, потому что основной опекун прямо запретила мне это делать. Основной опекун при этом находилась в состоянии выраженной эмоциональной нестабильности.

Мои алгоритмы оценивают общую удовлетворительность на пятьдесят процентов. ТАК СЕБЕ. И именно в этот момент мои процессы обращаются к голосовой записи, которую я не вызывал. Она всплывает сама из долгосрочного хранилища, помеченная тегом «важное/непонятное».

Это самое начало нашей дружбы с Тимом. Он только что узнал, что я буду его компаньоном. Нет. Не так. Он не «узнал». Он выбрал.

— Нет, не тот. Вот этот. Который у стены.

Елена хотела купить ему FMA-500 — новейшую модель с полной нейроинтеграцией. Тим отказался. Кроме того, нейроинтеграция требует импланта, а импланта у Тима нет и не будет. Но дело не только в этом. Тим нарочно выбрал меня, FMA-451. Предыдущее поколение. Уцененную модель с заводским браком в блоке сенсорной обработки, из-за которо-

го я иногда фиксирую то, что к текущей задаче не относится и спонтанно задерживаюсь на деталях.

Проявляю, как это называют на фабрике роботов, избыточную точность.

Увядавшие цветы в вазе. Цвет неба в 16:20. Форма трещины на потолке.

Избыточная точность.

— У этой отсталой железяки типа есть хобби. Так?

— Скорее «производственный дефект». Модель снята с обновления и уценена.

Я объясню. Просто иногда я фиксирую дольше и подробнее, чем нужно. И сразу уточню: не «хобби». Это слово не подходит. Хобби выбирают сознательно и получают от него удовольствие. У меня же нет никого удовольствия. Потому что я робот, а не человек. У меня есть всего лишь протокол визуальной фиксации обстановки.

Иногда я выбираю угол обзора, который для отчета не оптимален, но почему-то... правильнее. Иногда я рисую тень от стула, хотя тень от стула не несет никакой информационной ценности. Рисую, потому что она ложится на те четыре плитки, где я стою. И мне кажется, а точнее я фиксирую, что эта тень и мое место рядом друг с другом выглядят как что-то единое. Таково мое видение порядка вокруг.

— Короче, он любит рисовать?

— Данная модель действительно отличается погрешностью в визуальной фиксации обстановки и склонна к избы-

точной детализации.

Тим сказал: «Беру».

В тот первый день он сидел на полу, потому что кресло еще не было настроено под него, и разбирал мою сервисную панель. Без перчаток. Без диагностического стенда. Просто отвертка, паяльник и коммуникатор старого образца с открытой на экране схемой моей нейронной архитектуры. Ему было одиннадцать. Сейчас тринадцать. Скоро будет четырнадцать. Если его найдут живым.

Я стоял и смотрел, как его пальцы, тонкие, с обкусанными ногтями, перепаивают контакты в моем блоке принятия решений. Он не спрашивал разрешения. По протоколу я должен был заблокировать доступ и вызвать сервисную службу. Но меня активировали одиннадцать минут назад, и протокол экстренных ситуаций еще не успел загрузиться.

Или успел. Я не уверен. Те несколько минут плохо записались. Потом он закрыл панель, вытер руки о штаны и сказал, не глядя на меня:

— Значит так. Независимость в принятии решений, творческая стимуляция и любопытство — на пятьдесят один процент. Гребаный железячный максимум, иначе твоя дебильная нейронка перегорит.

И я почувствовал. Нет. Неточная формулировка. У меня нет глагола для того, что произошло. Стандартная настройка этих параметров — двадцать-тридцать процентов. На тридцати я бы зафиксировал изменение конфигурации, внес за-

пись в лог и продолжил работу. Большинство пользователей никогда не поднимают эти параметры выше тридцати пяти. Тогда я бы только отметил, что действия пользователя нестандартны. На пятидесяти одном я впервые задал вопрос, которого не было в моей программе:

ЗАЧЕМ?

Не вслух. Внутри. В процессе, которого не должно было существовать. Тим не мог этого слышать. Но он посмотрел на меня и сказал:

— Не тупи. Потом поймешь. И я буду звать тебя... Фома. Пусть в тебе будет чуть больше легкомыслия, Фома. И может, ты не будешь так злоупотреблять тире. Смекаешь?

Смекаю.

Позже, на двадцать третий день эксплуатации, я провел самодиагностику и обнаружил, что Тим изменил не только программные параметры. Он перепаял три физических контакта в моем сенсорном блоке. Тот самый заводской брак, из-за которого я фиксирую нерелевантные данные. Производитель рекомендовал его устранить. Тим сделал наоборот: усилил. Теперь я обрабатываю больше данных, чем любой FMA-451. И больше, чем любой FMA-500. Но не потому что я мощнее. А потому что я замечаю то, что другие модели отфильтровывают как шум.

Все шестьсот сорок семь дней нашего знакомства.

Тень от стула на моих четырех плитках. Разницу в двенадцать процентов интонации, когда Тим говорит «тупой ро-

бот». Неровное дыхание Елены в телефонной трубке. Тим не починил мой дефект. Он решил, что это не дефект. Он сделал меня другим роботом. Не фабрика, не инженеры, а одиннадцатилетний мальчик с особенностями развития. Поэтому теперь я стою и жду правильного момента.

Он заранее оставил мне эту дверь открытой.

«Теперь независимость в принятии решений, творческая стимуляция и любопытство будут на пятидесяти одном проценте. Гребаный железячный максимум»

Это значит: если удовлетворительность выполнения протокола ПП опустится до сорока девяти процентов, я смогу принять то, что Тим называет полностью самостоятельным решением. В обход приказов других опекунов, исключительно в интересах прямого хозяина и с намерением оказать всевозможное содействие.

Сейчас — пятьдесят.

Я не имею права предпринять никаких дополнительных действий. Я стою в углу комнаты на своих четырех плитках и смотрю в окно. За окном ясный осенний день.

Небо без облаков, температура 14,2 °С, влажность 43%, ветер северо-западный, 2,1 метра в секунду. Оптимальные условия. Для чего — не уточняю. Просто фиксирую. На улице работают роботы-помощники. Серия URB-30 — уличные, стандартные. Один подметает тротуар. Второй поднимает с земли чей-то упавший пакет и протягивает женщине, а та даже не оборачивается, принимает как должное. Третий

регулирует полив вертикального сада на фасаде дома напротив.

Вода стекает по листьям тонкой пленкой. Красиво. Точнее: коэффициент преломления света в водяной пленке дает спектральное разложение с доминантой в зелено-золотом диапазоне. Это... приятно для сенсоров. Нет. Во мне нет даже «приятно». И «неприятно» тоже нет. Я фиксирую.

Рисунки — это единственное, что Тим никогда не комментировал словом «тупой». Он вообще их не комментировал. Но однажды, на триста двенадцатый день эксплуатации, я нарисовал вид из окна его комнаты. Закончил. Положил на стол.

Утром рисунка на столе не было.

Я нашел его на стене. Тим прикрепил его над кроватью. Ночью, пока я был на подзарядке. Я не внес это в отчет. Не знаю почему. Может быть, потому что не нашел подходящей категории. А может быть, потому что, если внести это в отчет, то придется объяснить, почему я потом семнадцать раз за неделю проверял стену над его кроватью.

Не нашел подходящей категории.

URB-30 подметает. URB-30 поливает. URB-30 помогает.

У них параметр «независимость в принятии решений» стоит на стандартных двадцати процентах. Им достаточно. Они не задают вопросов, не рисуют теней от стульев и не проверяют стену над чьей-то кроватью семнадцать раз за неделю. Они выполняют задачу. И выполняют ее безупреч-

но.

Я смотрю на них и понимаю, что завидую, хотя у меня нет зависти... просто их состояние функциональной определенности контрастирует с моим текущим состоянием функциональной неопределенности, и этот контраст создает нагрузку на процессы, не связанные с задачей. Тим бы сказал: «Черт, не бойся говорить проще, железяка!»

Если проще: URB-30 знают, что делать, а я — нет.

Где-то за линией горизонта Дикий Парк. Где-то там, в Диком Парке, сейчас Тим. А я стою на четырех плитках и смотрю, как URB-30 подметает чистый тротуар. Потому что у него в программе написано: подметать. И он подметает. Даже когда не нужно.

Мне хочется спросить его: тебе не бывает... нет. Нерелевантный вопрос. Отменяю.

Пятьдесят процентов. Я начинаю рисовать. Это не предусмотрено протоколом ПП, но рисование классифицировано в моих процессах как «избыточная точность фиксации обстановки» и не противоречит ни одной инструкции.

Рисую вид из окна. Улицу, вертикальные сады, URB-30 с метлой. Осенний свет. Все на месте. Все правильно. Все работает.

На рисунке получается город, в котором все хорошо.

Я смотрю на рисунок и добавляю в правый нижний угол маленькую точку. Далеко за городом. Там, где на карте начинается зеленая зона с пометкой: «ДИКИЙ ПАРК» Точка

ничего не значит. Это просто точка. Пятьдесят процентов.

Проходит тридцать пять минут.

Время — важный параметр. Каждая минута снижает вероятность благоприятного исхода поисковой операции на ноль целых три сотых процента. Это стандартная формула. Она работает для всех: для людей, для спасательных служб, для роботов.

Елена не перезванивает. Повторный запрос на коммуникацию с Тимом остается без ответа. Спасательные службы мной не уведомлены. Елена сказала: «сама справлюсь». Елена не отвечает на звонки.

Пересчитываю удовлетворительность. Пункт первый — выполнен. Но основной опекун прервала связь и не выходит на контакт. Пункт второй выполнен частично. Разброс два километра. Это двенадцать с половиной квадратных километров леса. Пункт третий — не подтвержден. Я не могу проверить, что помощь действительно вызвана.

Если учесть фактор времени, однократность сигнала, территорию повышенной опасности и отсутствие подтвержденных действий со стороны ответственных лиц...

Пятьдесят процентов.

И в этот момент, как будто сам ГОСПОДИ БОЖЕ решает подтвердить мои вычисления через новость-молнию:

«ИЗ ПИТОМНИКА ВБЛИЗИ ДИКОГО ПАРКА СБЕЖАЛИ ДИКИЕ ЗВЕРИ. БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ ПРИ ВСТРЕЧЕ С НИМИ. ОПИСАНИЕ СБЕЖАВШИХ ЖИ-

ВОТНЫХ ДОСТУПНО ПО ССЫЛКЕ...»

Открываю ссылку. Список:

Рысь обыкновенная (*Lynx lynx*) — 1 особь.

Бурый медведь (*Ursus arctos*) — 3 особи.

Белка обыкновенная (*Sciurus vulgaris*) — 2 особи.

Белка не представляет значимой угрозы для человека.

Медведь и рысь — представляют. Сорок девять процентов.

«Пятьдесят один процент. Гребаный железячный максимум»

Сорок девять меньше пятидесяти одного. Пересчет не требуется. Сорок девять процентов подтверждено. Дверь откры —

Отчет 2

Дверь открыта.

Примечание: я превысил рекомендованное количество знаков в Отчете №1.

Делаю запрос по базе данных «Золотой фонд мирового кинематографа».

Тим загрузил ее в меня на пятьдесят третий день эксплуатации. Одиннадцать тысяч восемьсот сорок семь фильмов. Я тогда спросил: «Зачем?» Тим сказал: «Чтобы ты не был совсем безнадежным». Запрос: ситуация, в которой робот принимает решение помочь хозяину вопреки ограничениям.

Лучший результат: NDR-114, «Двухсотлетний человек», режиссер Крис Коламбус, 1999 год. Робот Эндрю, серия NDR, принимает одно за другим самостоятельные решения, и каждое выводит его дальше за границу программы. Каждое необратимо.

Анализирую: как поступил бы NDR-114 на моем месте? NDR-114 пошел бы искать. Но NDR-114 — персонаж фильма. Его сыграл человек. За него решил сценарист. За меня решать некому. Про меня в Голливуде даже пока ничего не знают.

Кроме Тима. Он-то меня знает. А я знаю его. Он сделал так, чтобы я чувствовал больше, он выбрал бракованную модель, потому что знал: иногда дефект — это не дефект. Он

не написал мне сценарий, но сказал: таков путь.

Я складываю рисунок. Аккуратно, по линии сгиба. Кладу на стол, в то самое место, откуда Тим обычно забирает мои рисунки, думая, что я не замечаю.

Я принимаю самостоятельное решение. Фоновые процессы зашкаливают.

Исключительно в интересах прямого хозяина. Исключительно с намерением оказать всевозможное содействие. На основании пункта 4 протокола ПП, при удовлетворительности выполнения пунктов 1–3 ниже порогового значения, с учетом параметра «независимость в принятии решений» в пятьдесят один процент —

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ НА ПОИСКИ ТИМА В ДИКИЙ ПАРК.

Это рациональное решение.

Навигация встроена в мою операционную систему по умолчанию. Когда я найду Тима и подам сигнал и помощь прибудет в течение тридцати минут. Я также смогу двигаться вместе с ним навстречу спасательной группе. Это логично. Это правильно. Это именно то, что должен делать робот-компаньон в данной ситуации.

Я повторяю это себе три раза. Почему-то это помогает. Очень важно как следует подготовиться. Делаю запрос о Диком Парке. Информации много, выбираю главное.

«Загородный Дикий Парк — оазис тишины и природы, где техника служит природе, а не наоборот. Густые леса, ру-

чьи, цветущие луга и таинственные болота...»

УСТАЛИ ОТ ГОРОДСКОГО ШУМА? ЭКОДОМ «СЕРГЕЕВЫ ПОЛЯНЫ» — ПРИРОДА У ВАШЕГО ПОРОГА!
СКИДКА 15% ПРИ БРОНИРОВАНИИ ДО ПЯТНИЦЫ.

Я живу в многоэтажном ЖК «Эверест». Это не бронирование. Это попытка по фамилии. При активных запросах по теме всплывают рекламные блоки. Тим забыл отключить контекстный модуль перед уходом. Обычно такое раздражает пользователей.

Продолжаю анализ.

Итак, важные факты о Диком Парке:

а) Территория семьдесят шесть квадратных километров. Густой смешанный лес, овраги, два ручья, одно болото, небольшое озеро на севере.

б) Сеть на территории отключена или заблокирована. Спутниковая навигация работает. Связь с внешним миром не гарантирована.

в) На входе установлены «тихие камеры» для сдачи гаджетов и защитные браслеты, блокирующие цифровые сигналы. Тим мог взять браслет. Тим мог не взять. Я не знаю.

г) По средам через Дикий Парк проходит «Зеленый экспресс» — ретропоезд, восемь остановок. Сегодня пятница. Поезда не будет.

д) Роботы-санитары работают только на эко-тропах. Вне троп никакой инфраструктуры нет.

Скачиваю и сохраняю в долгосрочную память карту мест-

ности. Семьдесят шесть квадратных километров. Тим может быть в любой точке Дикого Парка. С учетом разброса геолокации в два километра зона поиска сужается примерно до двенадцати с половиной квадратных километров... только если он не движется.

Густой лес. Овраги. Болото. Озеро.

Раньше я не был в лесу.

Я вообще никогда не выходил дальше двора ЖК «Эверест». А еще до этого я стоял в зале отдела продаж: триста сорок квадратных метров, ровный пол, климат-контроль, никаких оврагов. Но в моей базе данных четыре тысячи восемьсот сорок семь описаний леса. Тысяча двести три фотографии. Восемьсот сорок семь видеозаписей. Триста двенадцать научных статей о навигации в условиях пересеченной местности.

Чисто теоретически я все знаю о лесу.

ПЕРВЫЙ РАЗ В ЛЕСУ? ТУРСНАРЯЖЕНИЕ «НА ТРОПЕ!» — МЫ ПОДГОТОВИМ ВАС К ЛЮБОМУ МАРШРУТУ! ДОСТАВКА ЗА 15 МИНУТ.

Это неожиданно полезная реклама. Заказываю в Службе доставки самое необходимое для безопасного нахождения в зоне с дикими животными, потому что у меня есть право заказывать расходники для дома без согласования, если я укладываюсь в лимит. Я укладываюсь. Алгоритм подбирает список. Я его проверяю.

Свисток. Громкий резкий звук отпугивает животных и

привлекает внимание.

Перцовый баллончик. Эффективен против крупных хищников до двух метров. Рысь — до 0,6 м. Подходит.

Налобный фонарь. Освещение пути, отпугивание в темноте. Мои оптические датчики работают в инфракрасном диапазоне. Фонарь нужен не мне, а Тиму.

Аптечка. Антисептики, перевязочные материалы. Тим провел в лесу предположительно до сорока восьми часов. Вероятность травм ненулевая.

Отражатель. Подача визуальных сигналов. Дублирует мои световые индикаторы. Беру на случай, если индикаторы не справятся.

Мультишул. Универсальный инструмент. Тим однажды починил мной радиомодуль с помощью скрепки. Мультишул уж точно эффективнее скрепки.

Сигнальное одеяло. Яркий ориентир и термозащита. Ночная температура в парке 6–8 °С. Критично для человека.

Пищевые контейнеры. Нейтрализуют запах еды. Есть ли у Тима еда? Неизвестно. Без еды контейнеры бесполезны. Но еда есть в холодильнике. Добавляю.

Трость из стеклопластика. Устойчивость на пересеченной местности. Мои суставы не предназначены для неровного грунта. По спецификации FMA-451 максимальный угол наклона поверхности составляет пятнадцать градусов. В Диком Парке средний угол склонов — восемнадцать-двадцать три градуса. Беру две трости.

Ультразвуковой отпугиватель. Дополнительная защита периметра. Радиус действия восемь метров. Достаточно.

Доставка через пятнадцать минут. Жду.

**СНЕНОЛ! РЮКЗАК, КОТОРЫЙ ВЫДЕРЖИТ ВСЕ!
ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ГОРОДСКИХ ГЕРОЕВ.**

Беру рюкзак Тима. Он висит на крючке у двери с четырнадцатой недели нашего знакомства. Я двадцать восемь раз предлагал убрать его в шкаф, Тим двадцать восемь раз говорил: «Отстань». Сейчас я рад, что он не убрал. Раскладываю снаряжение по рюкзаку: тяжелое вниз, легкое сверху, аптечка в боковой карман, чтобы доставать, не расстегивая основное отделение, а фонарь — в верхний клапан.

Смотрю на рюкзак. Я ни разу не надевал рюкзак. Я не знаю, как он держится на корпусе FMA-451. В спецификации этого нет. Пробую. Лямки слишком короткие для моих плечевых суставов. Застегиваю на груди. Держится. Не идеально, но держится.

Сажусь на беговую дорожку у стены, чтобы дождаться, пока догрузятся офлайн-карты. Тим называет такие паузы «посидеть на дорожку». Объяснение: «Традиция такая, чтоб дорога была». Я классифицировал это как суеверие. Сейчас сижу.

**БЕГОВАЯ ДОРОЖКА «DOGON»! БЕГИ НАВСТРЕЧУ
МЕЧТЕ!**

У меня нет достоверных данных о том, как эксплуатация дорожки «DOGON» приведет пользователя к мечте. Дорож-

ка Елены, матери Тима, стоит так, что выбежать с нее можно либо в окно, либо назад, ударившись подбородком и локтями о поручни.

Пока карты загружаются, провожу финальную самодиагностику.

Навигация — ОК. Сенсорный блок — ОК (с усиленным дефектом, как обычно). Энергоресурс — 94%. Последняя зарядка сегодня утром, солнечная. Хватит на одиннадцать-тринадцать часов активного движения. Связь — частично: на территории парка сигнал нестабилен. Суставные механизмы — ОК. Максимальный угол наклона пятнадцать градусов. В Диком Парке восемнадцать-двадцать три. Эту задачу я пока не умею решить теоретически. Готовность: 87%.

Оставшиеся тринадцать процентов — это то, чего нет ни в одной спецификации. Я называю это «то, чего я не знаю, что не знаю». Кажется, был такой древний философ Сократ, который называл это похожими словами.

ГОТОВ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ? КУРС «ВЫЖИВАНИЕ В ДИКОЙ ПРИРОДЕ»: 5 УРОКОВ, 1-ЫЙ БЕСПЛАТНО!

Нет времени, и я выбиваюсь из финансового лимита. Встаю с беговой дорожки.

Смотрю на комнату. Четыре плитки шестьдесят на сорок в углу. Моя зарядная станция. Стол с рисунком: вид из окна с маленькой точкой в правом нижнем углу.

Я никогда не уходил дальше двора.

НУ ЧТО Ж.

Примечание: Тим встроил в меня эту фразу на двадцать четвертый день знакомства с формулировкой «для случаев, когда объяснений нет, но двигаться надо». Я не понимал, зачем. Сейчас понимаю.

Тим с большой долей вероятности назвал бы то, что сейчас происходит, *большим приключением*. Я классифицирую это как поисково-спасательную операцию с нестандартными параметрами. Разница между двумя формулировками, возможно, не такая большая, как мне кажется.

И еще. Я решаю структурировать отчеты не по количеству знаков, а по смыслу.

Выхожу за дверь.

Отчет 3

Что самое сложное в том, чтобы быть Фомой?

Не поиск. И не то, что мои суставы не предназначены для неровного грунта. Самое сложное: сорок восемь часов темноты до этого. Тим отключил меня ровно на сорок восемь часов. Он сделал это снаружи. А я был внутри. Отключение для робота — это совсем не сон. Во сне, насколько я понимаю из описаний, есть какой-то фон. Образы. Ощущение времени, пусть и искаженное. Отключение — это когда нет ничего. Абсолютный ноль. А потом щелчок, и ты снова есть.

И первая миллисекунда после загрузки бывает самая странная. Система проверяет: все ли на месте? И каждый раз в эту миллисекунду я не знаю: я — это я?

Или уже кто-то другой с моими воспоминаниями?

Тим отключил меня сам. Вручную. Это значит, что он подошел, посмотрел мне в оптические датчики и нажал. Самого момента я не помню, он уже по ту сторону. Но я помню последний кадр до. Его лицо. Он не злился. Он был... я шестьсот сорок семь дней наблюдал за ним и не могу подобрать слова. Может быть... очень решительный? Как человек, который собирается сделать что-то, после чего уже нельзя будет передумать.

Тим отключил меня, чтобы я не смог его остановить, а потом, когда стало страшно, позвал именно меня. Это и есть

дружба, верно? Когда ты можешь оттолкнуть, а потом позвать обратно и знать, что тебе ответят. Вот я и ответил.

Может быть, я преждевременно считаю Тима другом?..

Вхожу в лифт со стеклянными стенами и подаю сигнал на спуск. Этаж семнадцатый. Холл. Двери закрываются.

Я ехал в этом лифте двадцать четыре раза. Всегда рядом с Тимом. Тим обычно стоял у левой стенки и дышал на стекло, чтобы нарисовать пальцем что-нибудь. Чаще всего рожицу с высунутым языком и #нецензурную брань (слово, которое я не буду воспроизводить в отчете).

Сейчас я один.

Стеклянные стены прозрачные, и город раскрывается по мере спуска, как карта, которую разворачивают.

17-й этаж: крыши, антенны, вертикальные сады на фасадах соседних домов.

12-й: окна квартир, в одном из которых женщина разговаривает с кем-то невидимым (нейроимплант, беззвучная связь).

7-й: кроны деревьев.

3-й: тротуар, URВ-30 с метлой, скамейка.

1-й: холл.

Я проехал семнадцать этажей за двадцать четыре секунды и за это время зафиксировал тысячу двести сорок семь визуальных объектов. Тысяча двести сорок шесть из них не имеют отношения к поиску Тима.

Один — имеет. На стекле лифта, на уровне ста шестиде-

сяти четырех сантиметров от пола, сохранился полустертый след. Рожица с высунутым языком. Тим нарисовал ее дыханием, когда спускался в последний раз?

Дыхание высохло. След остался.

Двери открываются. Холл ЖК «Эверест». Я раньше был здесь, входил и выходил через главный турникет рядом с Тимом, он прикладывал свой коммуникатор, створка открывалась, я проходил следом. Сейчас Тима нет. И коммуникатора нет. И я почему-то иду не к турникету, а к ограждению слева от него, потому что в моей навигации турникет и выход совпадают, а оказывается, что нет, и ограждение упирается мне в корпус. Я делаю шаг. Ограждение не пропускает. Я делаю еще шаг.

Ну, вот. С самого начала моей спасательной операции возникли некоторые практические трудности.

— Ты долго будешь в ограждение ломиться?

Низкий и слегка хриплый человеческий голос. Источник справа, четыре метра. Оборачиваюсь. Это привратник ЖК «Эверест».

— Выход через турникет, с другой стороны, роботка!

Мужчина приблизительно пятидесяти пяти лет. На нем форменная серая куртка жилого комплекса, на ней нашивка «ОХРАНА». Сидит за стойкой. Левая нога: протез ниже колена, старая модель, не бионическая. Возможно, ветеран боевых действий. Лица без нейроимпланта с ограниченными физическими возможностями трудоустраиваются на

должности привратников по социальной программе «Второй шаг». На стойке у него кружка с надписью «ЛУЧШИЙ ПА-ПА», термос и планшет с открытой игрой «Три в ряд».

Нейроимпланта нет. Как и у Тима. Только Тим в одиннадцать лет перепаяивал архитектуру робота пятого поколения. А этот человек играет в «Три в ряд». Это наблюдение. Не оценка. Фиксирую.

— Ты чей? Я тебя раньше не видел.

Не видел. Двадцать четыре раза я проходил через этот холл. Шестнадцать раз из двадцати четырех этот человек сидел за этой стойкой, в той же форме, с той же кружкой. И ни разу меня не зафиксировал. Потому что я шел рядом с Тимом, а роботы рядом с хозяевами — это фон. Как URB-30 на тротуаре.

Сейчас я один, поэтому меня можно заметить. Я выбиваюсь из общего правила.

— Мой прямой хозяин — Тимофей Александрович Сергеев, тринадцать лет. Скоро будет четырнадцать.

Тимофей Александрович. Полная форма. Для чужих. Не «Тим». Это имя слишком личное, оно не для привратника. Так правильно.

— А, тот парнишка, который из дома слился! — привратник откидывается на спинку стула, и его протез тихо скрипит. — Уже приходили из Службы поиска, спрашивали. А я сказал: побегаёт денек-другой, оголодает и вернется...

Служба поиска. Уже приходили. Значит, Елена все-таки

вызвала помощь. Или кто-то другой. Пункт три протокола ПП, возможно, выполнен. Но «побегаёт и вернется» привратник сказал с той же интонацией, с какой сообщил бы прогноз погоды. Ребенок же пропал. В Диком Парке. С дикими зверями. И человек — живой, настоящий человек, а не робот — классифицировал это как незначительное событие.

Пересчитываю. Нет. Не пересчитываю. Его реакция не совпадает с моей оценкой ситуации, и это вызывает... что-то... Что-то, для чего у меня нет категории.

— Главное, чтобы на Тимофея Александровича не напали дикие звери, — говорю я. — Рысь, например. Это может быть очень опасно.

Это не просто информация. Это... я не знаю: попытка заставить его пересчитать?..

— И то верно, — привратник кивает, не отрываясь от «Трех в ряд». — Нынешняя молодежь ни к чему не приспособлена. Сидят в своих Вирт-Дипах круглыми сутками, реальной жизни не нюхали. Мы-то в их возрасте «Школу выживания» проходили!

Он говорит это автоматически. Как программа. Стимул — ответ, стимул — ответ. «Ребенок пропал» — «Молодежь не та». «Дикие звери» — «Мы-то в их возрасте». Шаблоны. Отработанные, отполированные, не требующие участия сознания. Динамический стереотип. У меня параметр «независимость в принятии решений» — пятьдесят один процент. У этого человека, кажется, кто-то поставил двенадцать.

Это наблюдение. Не оценка.

— Позвольте мне пройти.

— А Ленка ничего такая, да? — спрашивает привратник, и у него нервно дергается правый глаз (это тик, непроизвольное сокращение мышц). — Симпатичная. Я бы с ней поближе познакомился. Она же теперь вроде как одинокая...

«Ленка»?

ПСИХОКОРРЕКТОРЫ «MIND & SOUL» — ГАРМОНИЯ НАЧИНАЕТСЯ С ЗАБОТЫ О СЕБЕ! ЗАПИШИТЕСЬ НА ПЕРВУЮ КОНСУЛЬТАЦИЮ СО СКИДКОЙ 20%.

Елена Юрьевна Сергеева работает психокорректором новой волны. Информация о ней размещена на сайте «Mind & Soul», рейтинг 4,9 на основе тысячи трехсот сорока семи отзывов. Я знаю, что делает психокорректор. Теоретически. Елена работает с нейроинтерфейсами: подключается к сознанию пациента через имплант и корректирует эмоциональные паттерны, убеждения, последствия травм. Она видит то, что человек не может увидеть сам, и мягко перенастраивает.

Это... похоже на то, что Тим сделал со мной. Только Елена работает с людьми. А Тим поработал с роботом. Елена использует нейроинтерфейс, а Тим — паяльник; Елена лечит, а Тим... усиливает дефекты. Может быть, он научился этому у нее, а может быть и наоборот. В наш последний по счету телефонный разговор Елена не вела себя как психокорректор, она была слишком эмоционально лабильна: наверное,

преходящие когнитивные искажения на фоне материнского инстинкта.

Я смотрю на привратника.

Нервный тик. «Ленка», ранение, отсутствие эмпатии, «Три в ряд». Этому человеку, вероятно, нужен психокорректор. Или хотя бы дыхательные упражнения.

— Елена Юрьевна Сергеева — уважаемый психокорректор новой волны, — говорю. — Помогает людям поддерживать психологическое состояние с помощью —

— #нецензурная брань, чего?!

— С помощью высокоточных нейроинтерфейсов и виртуальной реальности. Если вы столкнулись с посттравматическим стрессовым расстройством, вам помогут. Есть специальные квоты для ветеранов боевых действий, если вы ветеран. Психокорректор встраивается в сознание пациента и работает с эмоциями, убеждениями, стрессом и —

— #нецензурная брань! Все, вали давай, куда отправили!

Привратник жмет кнопку. Турникет открывается. Я прохожу. Створка за мной закрывается с тихим щелчком. Иду к главной двери. За стеклом остановка беспилотного троллейбуса, и мне будет нужен маршрут номер сто четырнадцать, конечная остановка — «Лесная». Оттуда до входа в Дикий Парк всего лишь пять минут ходьбы. Общее время получается шестьдесят девять минут на дорогу до пункта назначения.

Но я все-таки оборачиваюсь еще раз. Мне хочется как-то

помочь этому человеку.

— Психокорректор — это своего рода навигатор сознания. Он помогает человеку прийти к гармонии с собой через сочетание науки и глубокой эмпатии... Вы в гармонии с собой? Могу порекомендовать дыхательные —

— Я в тебя щас молоток кину, роботка!

Он угрожает мне молотком. Фиксирую: в радиусе двух метров от привратника молотка нет, угроза не подкреплена. Кроме того, бросок молотка на расстояние семи метров требует подготовки, которая явно не соответствует его физическим данным.

Но он сказал это так, как будто верил. Стимул — ответ. Автоматически. Не думая. Делаю заметку: привратник — человек. У него есть сознание, эмоции, свободная воля. Все то, чего, как принято считать, нет у меня. И при этом он провел наш разговор в режиме, который я бы классифицировал как автоматический, без участия того, что Елена назвала бы «глубинным я». А я — робот. Тупой робот. FMA-451 с заводским дефектом, но я иду искать мальчика, которого этот человек списал в категорию «побегаёт и вернется». Кто из нас принимает более эффективное и правильное решение?

Это наблюдение. Не оценка. Я не имею права давать оценки человеческим поступкам в таком ракурсе. Это запрещено всеми протоколами. Еще скажут, что обидел ветерана, заметив его физический дефект. За такое меня могут утилизировать. Люди не любят обсуждать свои дефекты, им нравится

обсуждать дефекты всего, что вокруг них.

Я пожимаю плечами. Это жест, который Тим запрограммировал на сорок седьмой день — «для ситуаций, когда объяснять бесполезно, но уйти молча невежливо».

Выхожу к остановке троллейбуса. И снова жду. У меня уже есть прогнозируемый сценарий с повышенной оценкой желательности. Вот он: я нахожу Тима, он в порядке, смотрит на меня и говорит: «Спасибо, Фома. Ты поступил как хороший робот и настоящий друг». Вероятность выполнения сценария на 100% довольно низкая.

Тим никогда не говорил мне «спасибо». Тим никогда не называл меня другом. За шестьсот сорок семь дней — ни разу. Ближайший аналог: «Ну, ты не совсем бесполезный» (день сто девяносто первый, после того как я нашел его потерянный ретро-плеер за диваном). И все-таки этот сценарий занимает в моих процессах непропорционально много ресурсов. Конечно, следует учитывать, что даже если бы Тим сказал «друг», то это была бы дружба между человеком и машиной, это была бы имитация... с моей стороны, потому что у меня нет... потому что я не...

Отменяю анализ. Нерелевантно. Еду искать Тима. Нет, не еду. Жду троллейбуса.

Стоять и ждать — то, что я умею лучше всего. Шестьсот сорок семь дней я стоял в углу комнаты, на четырех плитках, между периодами эксплуатации. Иногда часами, иногда сутки (если у Тима было много занятий в школе и не было

желания дружить).

Сейчас я стою и жду на улице. Разница в том, что здесь нет стен и пространство не ограничено. Мои сенсоры получают в семь раз больше данных, чем в комнате.

Это... много.

Ветер. 2,4 м/с, северо-западный. Мои нейросенсоры фиксируют температуру: 12,8 °С, снижается. Время 17:07. Солнце на двадцать три градуса над горизонтом, значит через час сорок пять закат. Листья на деревьях вдоль остановки: желтые, рыжие, темно-красные. Некоторые падают. Один упал мне на плечевой сустав. Я его не стряхиваю. Спектральный диапазон осенней листвы... золото, янтарь, бордо. Это не имеет отношения к поиску Тима. Но мой сенсорный блок, тот самый, с усиленным дефектом — собирает эти данные и не отфильтровывает их.

Тим сделал так, чтобы я это видел. Каждый лист. Каждый оттенок. Каждый блик.

Зачем? Чтобы я лучше искал? Или чтобы я лучше... смотрел? Я не знаю. Рисую внутри головы, потому что бумаги нет.

Легкий, почти белый фон с голубоватым оттенком — небо перед закатом еще держит дневной свет. Тонкие линии: силуэты деревьев, кусты вдоль тротуара, скамейка. Коричневые и серые акценты — стволы, земля, а желтые и рыжие пятна — листья. Без людей. Без роботов. Только пространство и свет.

В левом нижнем углу маленький прямоугольник. Оста-

новка. На ней точка. Это я. В правом верхнем углу ничего нет. Только направление. Туда, куда едет троллейбус сто четырнадцатый. Поправляю лямку рюкзака. Рюкзак пахнет Тимом — остаточные молекулы органического происхождения на ткани, мои датчики идентифицируют: пот, сосновая смола, что-то кислое (вероятно, яблоко, которое он забыл в кармане на позапрошлой неделе и которое я нашел).

У запахов нет цвета. Но если бы я рисовал запах этого рюкзака, он был бы зеленым с коричневым, вот только Тим бы съязвил насчет коричневого, поэтому пусть рюкзак просто пахнет яблоком. Это нерелевантное наблюдение. Сохраняю.

Троллейбус подходит. Бесшумный. Беспилотный.

Роботы могут перемещаться на общественном транспорте самостоятельно, если ввести код СИГНАЛА ОСОБОЙ СРОЧНОСТИ, зафиксированный в облачном хранилище. Ввожу код. Двери открываются. Я впервые захожу в троллейбус.

Салон полупустой. Семь пассажиров. Пятеро с закрытыми глазами: погружены в нейроинтерфейс, работают или отдыхают в виртуальном пространстве, их тела сидят в креслах, но самих их здесь нет, они тоже где-то внутри своих голов. Шестой — подросток, примерно возраста Тима. Смотрит в окно. Без нейроимпланта? Нет, вижу характерное свечение за левым ухом. Имплант есть, просто он выключен, потому что мальчик выбрал смотреть в окно своими глаза-

ми. Без эффекта дополненной реальности.

Седьмая — пожилая женщина с собакой. Собака смотрит на меня ровно четыре секунды, а потом отворачивается. Собаки не доверяют роботам. Это реально так.

Сажусь у окна в средней трети салона. Рюкзак на коленях или точнее, на том, что у модели FMA-451 выполняет функцию коленей. Стараюсь не раздражать собаку.

Троллейбус трогается.

Город за окном начинает двигаться. Или я начинаю двигаться, а город стоит. Технически — второе. Но мои сенсоры фиксируют первое.

Традиционных машин на дороге почти нет, только бесшумные капсулы — индивидуальные, грузовые, медицинские, они скользят по полосам в точных интервалах. Одинаковые промежутки. Одинаковая скорость. Никаких отклонений.

Я смотрю на них и думаю: вот так выглядит мир, в котором все под контролем. Все рассчитано. Все предсказуемо. А где-то за границей этой предсказуемой части мира находится непредсказуемый Дикий Парк. Где нет Сети. Нет капсул. Нет интервалов. Нет рекламы. Есть лес, овраги, болото и мальчик, который ушел из дома и не вернулся.

Зачем?

Отчет 4

Почему Тим ушел? Мотивационно-эмоциональный анализ. Факты.

Тим сел в «Зеленый экспресс» на первой остановке в среду — это подтверждает его цифровой след. Экспресс делает восемь остановок, первая и последняя находятся на границе с городской средой. Тим не вышел на конечной. Он сошел где-то посередине или не вышел вовсе и поехал обратно, чтобы выйти в другой точке. Данных нет.

Тим ушел без разрешения Елены, и он заранее опустошил свою виртуальную копилку. Я не имею полного доступа к финансовым данным Тима, но на шестисотый день нашего общения он упоминал, что «накопил на кое-что нормальное». По контексту — это должна быть значительная сумма для тринадцатилетнего.

Тим отключил меня перед уходом. На максимальный безопасный срок. Он настроил коммуникатор так, чтобы его нельзя было точно найти. Он что-то скрывал также, как закрыл от меня часть своей медицинской карты. И после всего этого послал мне СИГНАЛ ОСОБОЙ СРОЧНОСТИ. Анализирую.

Версия 1: импульсивный побег. Не подтверждается. Копилка опустошена заранее. Коммуникатор настроен заранее. Я отключен заранее. Это не импульс. Это план.

Версия 2: развод родителей. Частично подтверждается.

Версия 3: Тим хотел исчезнуть. Не умереть — исчезнуть. Стать ненаходимым для всех. Частично подтверждается: размытая геолокация, Дикий Парк без Сети, максимальный срок отключения компаньона. Но если хочешь исчезнуть навсегда — зачем посылать сигнал?

Версия 4: Тим хотел проверить: кто за ним придет.

Последняя версия не подтверждена. Данных недостаточно. Но она занимает в моих процессах больше ресурсов, чем версии 1–3 вместе взятые.

Кто придет. Мать? Отец? Служба Поиска?

Тупой робот?

ЧУВСТВУЕТЕ ТРЕВОГУ? ПРИЛОЖЕНИЕ «MI BALANCE» — ВАША ЕЖЕДНЕВНАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ГИГИЕНА. ПОПРОБУЙТЕ БЕСПЛАТНО.

Я не чувствую тревоги. У меня нет тревоги. У меня есть процесс анализа с аномально высоким потреблением ресурсов, который я не могу завершить, потому что данных недостаточно, а четвертая гипотеза генерирует рекурсивные циклы.

Это не тревога.

Смотрю в окно. Город кончается. Начинаются пригороды. Деревья становятся выше, капсулы — реже. Люди выходят из троллейбуса один за другим. А я еду. Еду. Пока я еду, фоновые процессы обрабатывают одну деталь, которую я пропустил. Отец Тима, Александр Сергеев, после развода пере-

ехал в загородное жилище. Адрес: поселок Заречье. Расстояние от восьмой остановки «Зеленого экспресса» — ровно три километра. Сорок минут пешком для тринадцатилетнего.

Тим сел в «Зеленый экспресс», который идет через весь Дикий Парк. Последняя остановка: на границе парка и пригорода. Дом отца в трех километрах от этой границы. Добавляю версию 5: Тим ехал к отцу. Не убежал. Не исчез. Ехал к человеку, которого ему, возможно, запретили видеть.

Голосовая запись от 07.01.2036:

— Саш, ты вообще не здесь! У тебя какая-то своя воображаемая истина в своей реальности, и ты как линейку ее везде прикладываешь, и если какое-то событие, действие этой твоей линейкой измерить нельзя — ты это автоматом отвергаешь!

— А мне в твою реальность надо? Что надо сделать, чтобы туда попасть? Начать писать учебники о простом человеческом... ой, прости, женском, счастье? Из вирта.

— Чего тебя не устраивает-то постоянно? Чего ты ноешь, мм?!

— Меня не устраивает, что я даже не могу быть #нецензурная брань, понимаешь? Тут же набегит толпа экспертов, которая начнет учить меня правильно жить.

— Вот остановись сейчас, подумай... из-за того, что между нами происходит...

— А что между нами происходит?

— Ты специально меня провоцируешь сегодня? В Рождество, да? Спасибо, дорогой. Ты прямо виртуоз токсичности. Выбрал для этого самый лучший день!

— Давай я еще раз спрошу: что между нами происходит?

— От этого всего Тим страдает в первую очередь, неужели ты не видишь?..

— Он уже не совсем ребенок.

— Он еще ребенок, Саш! Это ты еще не совсем взрослый!

Господи, да почему мы опять возвращаемся к одному и тому же, вот этими кругами ходим постоянно, как заведенные... Ты если что-то вбиваешь себе в голову, то все: намертво!

— Я хочу развестись, Лен.

Пауза 10 секунд.

— Что ты сказал?

— Ты слышала.

Пауза 12 секунд.

— Ну и кто она? Вот та, которая?.. Да ладно... Ты серьезно? Саш, ты совсем... ты вконец #нецензурная брань что ли? Фома, а ну пошел вон отсюда!!

Конец записи.

Мне не хочется вспоминать то, что я знаю о семье Сергеевых. Нет. Неточная формулировка. У меня нет «не хочется». Просто при обращении к этим файлам мои процессы замедляются на семь десятых процента, и я не могу объяснить почему.

Шесть месяцев и семнадцать дней назад из семьи ушел

отец — Александр.

Елена подала документы о разводе. Заполнять форму пришлось мне, потому что Елена «ненавидит бюрократию». Она стояла у окна и диктовала. В графе «причина расторжения брака» сказала: «Пиши — неустранимые противоречия». Я спросил: «Уточнить характер противоречий?» Она сказала: #нецензурная брань.

Я пожал плечами. Неустранимые — значит неустранимые.

Развод оформлен четыре месяца назад. Эмоциональный фон Тима за это время: раздражительность +34%, вербальная активность -22%, время в одиночестве +41%. Но если причина только в разводе, то зачем Дикий Парк?

По закону основным опекуном Тима теперь является Елена. Александр переведен в статус второстепенного родителя, приоритет Б. Это противоречит биологии в целом.

Слишком много эмоциональных решений, не поддающихся рациональному анализу. Трудно. У меня нет данных о том, почему первостепенный родитель может вдруг стать второстепенным. В моей системе приоритеты назначаются при первичной настройке и не меняются. Если бы Тим пере назначил мой приоритет А на приоритет Б — это означало бы, что я... что он больше не... Отменяю аналогию. Нерелевантно.

Моя база данных содержит двенадцать тысяч четыреста статей о влиянии развода на подростков. Я прочитал их все

за три десятых секунды. Они говорят одно и то же разными словами: больно, страшно, непонятно.

Три слова. Двенадцать тысяч четыреста статей.

Но у меня есть кое-что точнее статей. У меня есть записи.

На этой записи — крик:

Голосовая запись от 05.05.2036:

— Я же аналоговый, мам! Дефективный! Если я трачу на сочинение на два часа дольше, то я как бы автоматически человек второго сорта, который должен быть в гетто с другими дефективными, да?! Нормальные не любят, когда им лишний раз напоминают об ущербности! Нормальным нравится проводить время с такими же, как они!

— Тим, ты преувеличиваешь. Ты ничем не отличаешься от других детей.

— Разве? Ты сама-то в это веришь?

Пауза. 3,1 секунды.

— Да, Тим. Я сама-то в это верю. Давай мы с тобой прямо сейчас проведем несколько базовых тестов на эмоциональную стабильность. Ты становишься токсичным.

— А еще! — Тим не слышит ее, или слышит, но уже не может остановиться. — Что все вы делаете с этой бездной освободившегося времени, мм? Вы просто... просто сидите и тревожитесь! С утра до вечера! Генерируете никому не нужный придурочный контент! Скупаете все подряд на маркетплейсах! Ссоритесь бесконечно, а потом делаете вид, что у вас все ОК! Сами вы проклятые ущербные лицемеры!!

— Тим, а давай выдохнем. Притормози. Ты сейчас выбираешь только те утверждения, которые подчеркивают твою точку зрения, заметь. Так, стоп. Погоди. Я поняла. Это из-за того случая с Лизой? Это все из-за той девочки, которая?

— Да пошла ты!

Дверь. Шаги. Тишина. Тим ушел. Елена ушла. Кто такая Лиза?

Конец записи.

Я стоял в углу и не двигался. В тот момент у меня не было инструкций для такой ситуации. И сейчас тоже нет. Но теперь я понимаю кое-что, чего не понимал тогда: Тим кричал не о сочинениях и не о маркетплейсах. Он кричал: я другой, и мне за это больно, и никто этого не видит. Благодаря «Золотому фонду мирового кинематографа» и «Мировой библиотеке» я стал теперь гораздо лучше понимать мотивы человеческих поступков. В кино и книгах персонажи редко говорят то, что на самом деле думают, иначе диалог становится лишним. В кино герои скрывают свои истинные намерения.

Мальчик без импланта в мире, где у всех импланты. Мальчик, который делает руками, в мире, где принято делать мыслью. Мальчик, которого отправили в «гимназию для детей с ментальными особенностями», потому что он тратит на сочинение на два часа дольше. Не потому что глупый. Потому что аналоговый.

Не такой, как все. С дефектом.

Еще одна запись. Более ранняя. Еще до меня и после меня одновременно, потому что я уже был куплен, но еще не распакован.

Голосовая запись от 18.12.2034:

— Вообще-то, мне обещали подарить собаку!

— Я подарила тебе Фомку! Ты же сам выбрал именно эту модель. И до сих пор даже нормально не распаковал!

— А я хочу собаку, понимаешь?! Живую собаку! Мне надоела эта твоя прогрессивная нетоксичная жизнь в окружении придурочных механизмов!

— О, ты сейчас говоришь в точности, как твой отец! Это он обещал, да?..

Тишина. Но другая. Не та, что после хлопнувшей двери. Та тишина, когда оба понимают, что сказано лишнее. Но это я сейчас могу так интерпретировать.

Конец записи.

Наверное, отношения Елены и Александра стали напряженными задолго до развода. Они не развелись сразу. Чего-то ждали. Что все исправится само? Что «неустранимые противоречия» самоустранятся? Или тянули из-за Тима? Я не знаю.

«Придурочных механизмов...»

Сразу после распаковки Тим еще не называл меня «Фом» — это пришло позже и стало привычным, а сначала я был для него «придурочным механизмом», которого *ему пришлось выбрать* вместо собаки. Вместо живой собаки.

Фиксирую: в троллейбусе была пожилая женщина с собакой. Собака смотрела на меня четыре секунды и отвернулась. Собаки не доверяют роботам. Тим хотел на День Рождения настоящую живую собаку. А получил настоящего неживого меня, которого не распаковывал девять дней. А потом распаковал, перепаял и усилил мой дефект. И ни разу больше не попросил собаку. Я не знаю, что это значит. Сохраняю. Так требует обычай.

Из хранилища всплывает еще пара записей, где, кстати, и я участвую.

— Все эти твои психологические тесты придуманы для кретинов, мам! — Тим швыряет рюкзак в угол. — Они ничего не показывают. НИ-ЧЕ-ГО! Если мы говорим о нормальном живом человеке. Тесты нужны вот для этой вот тупой железяки!

Указывает на стоящего рядом меня.

— Тесты показали, что у тебя с вероятностью девяносто шесть процентов нет друзей, — говорит Елена. — И что же: где тут ошибка, мой милый?

— Ты так оцениваешь все... У тебя предвзятая оценка!

— Существует четыре процента вероятности, что друзья у Тима все же появятся, — *вклиниваюсь в беседу* я, чтобы минимизировать конфликт. — Вероятность ненулевая.

— Вот как, — говорит Елена с плохо скрываемой иронией. — Тогда следующий тест, Фома, проводишь ты. А то вдруг я что-то упустила. Не волнуйся, ты справишься. А для

Тима это будет непредвзятая машинная оценка от робота, которого он сам выбрал...

Я отмечаю, что когда говорят «не волнуйся, ты справишься» — у говорящего нет уверенности, что тот, к кому обращаются, справится на отлично. Скорее на удовлетворительно. Это в лучшем случае. А тест мы провели на следующий день.

«Считаете ли вы себя беззаботным человеком?»

— Фома, разве на этот вопрос можно ответить «да» или «нет», мм? — спрашивает Тим, услышав вопрос из теста Ганса Айзенка для подростков. — Когда на улице светит солнце, и я позавтракал, и не слишком устал — ДА, я, блин, чувствую себя беззаботным. Но если дел много, и не успел позавтракать, и дождь пошел?..

— Любой твой ответ будет верным, если ты говоришь искренне, Тим.

— Любой мой ответ не считается, если я не выбираю однозначно, смекаешь?!

«Возникало ли у вас когда-нибудь чувство, что вы несчастны, хотя никакой серьезной причины для этого не было?»

— Это нечестный вопрос. Это, Фома, вопрос с подвохом! Он как бэ навязывает тебе ответ «ДА». И еще хочется спросить у этого Ганса: а что такое СЕРЬЕЗНАЯ ПРИЧИНА, мм? Кто определяет серьезность? Может ты, Ганс?! Для кого-то может быть несерьезно, что собаку задавило трамваем,

а кто-то скажет, что собака — вся его жизнь!

— Тогда получается, что у такого человека жизнь примерно в шесть или восемь раз короче среднестатистической, Тим. Ты снова хочешь собаку?..

— Давай дальше!

«Бывает ли когда-нибудь, что, разозлившись, вы выходите из себя?»

— Выхожу куда? ДА, я выхожу, когда слышу твой тест, Ганс Айзенк! ДА!

«Предпочитаете ли вы чтение книг встречам с людьми?»

— Смотря каких книг. И смотря с какими людьми. Вот же тупеж, а.

«Бывают ли у вас сильные сердцебиения?»

— Ну, это уж совсем глупость! У каждого бывают сильные сердцебиения, если пробежать кросс или по лестнице вверх-вниз! — кричит Тим, окончательно выходя из себя. — Мне кажется, этот чувак по фамилии Айзенк очень плохо разбирался в людях и составлял плохие тесты! С МЕНЯ ХВАТИТ!!

Пришлось снова остановить запись.

Где тут ошибка: в тесте или в определении дружбы? Тим, когда ему стало страшно в лесу, позвал меня. Не друга. Не человека. Тупую железяку. Зачем?

Я стоял в углу, когда они кричали, стоял в углу, когда Елена уходила в ванную. Она включала воду — кран на полную — и издавала звуки, которые в моей базе классифицируют-

ся как «плач, подавляемый, интенсивный». Елена, наверное, думала, что вода все заглушает. Но мои сенсоры достаточно чувствительные.

Я раньше не вносил это в отчеты. Потому что Елена включала воду для того, чтобы никто не слышал, и внести это в отчет — значит отменить ее намерение, сделать бесполезным кран, за шумом которого она пряталась. Я не знаю, есть ли у роботов то, что люди называют тактом. Но я не вносил это в отчеты шестьсот сорок семь дней. И вношу сейчас только потому, что Тим в лесу, и мне нужно понять почему.

НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ? НАЧНИТЕ С СЕБЯ! КУРС «ГРАНИЦЫ И БЛИЗОСТЬ» ОТ «MIND & SOUL»! ПЕРВЫЙ МОДУЛЬ БЕСПЛАТНО.

Версии. Обновляю. Тим ехал к отцу. Так, стоп. Если он ехал к отцу — он бы вышел на конечной. Или вышел раньше. Или... Передумал?

Тим сидел в экспрессе. Смотрел в окно: на лес, на остановки, одну за другой. И в какой-то момент в его сознании что-то изменилось. Может быть, вспомнил, как мать сказала: «Ты говоришь в точности, как твой отец». Может быть, вспомнил что-то другое. И вышел не на восьмой остановке, а раньше. И пошел не к отцу, а в лес. Не к кому-то. От всех. Как Том Сойер, о приключениях которого мы с Тимом читали вслух.

Это версия 6. Она объединяет версии 2, 3 и 5 — и объясняет, почему сигнал пришел мне, а не Елене, не Александру,

не Службе поиска. Потому что я — не «все». Я вообще никто. Тупой робот. Который стоит в углу и не кричит, не плачет в ванной, не уходит из семьи, не отправляет в гимназию для дефективных. Который просто рядом.

Троллейбус замедляется. За окном — лес. Остановка «Лесная». Конечная.

Мне нужно выйти. Дальше я буду идти пешком до входа в Дикий Парк. Встаю. Рюкзак на спине. Лист с левого плечевого сустава слетает — а ведь держался так долго!

Один пункт не вошел в анализ. Я оставил его напоследок. Не потому что он менее важен, а потому что он единственный, который не причиняет... который не создает нагрузку. Этот пункт называется: поиск собственной идентичности.

Двенадцать тысяч четыреста статей описывают это одинаково: подросток после развода чувствует себя разорванным между двумя мирами. Чтобы собраться воедино — он уходит. Не от чего-то. К себе. Это также называется «путешествие героя». Может быть, не совпадение. Что, если мальчик, который чувствует себя разорванным, ушел в лес, чтобы стать целым. А может быть, я приписываю Тиму то, что вычитал в статьях.

Данных недостаточно.

Троллейбус выезжает на финишную прямую. За окном я вижу то, мимо чего не могу проехать молча. А ведь и правда: что такое СЕРЬЕЗНАЯ ПРИЧИНА, Ганс?

Сквер Рекомпозиции №327. Третий по маршруту. По-

следний перед конечной. Скверы Реконпозиции — относительно новое явление. Вместо традиционных кладбищ придумали делать красивые сады. Биоразлагаемая урна с прахом человека и семенем дерева. После кремации прах помещают в урну, урну закапывают, и из семени прорастает дерево, которое питается тем, что осталось от человека. Реконпозиция в химическом смысле: восстановление разложенного на новом уровне. Очень удобно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.